

РОЖДЕННЫЕ СВОБОДНЫМИ

16+

И ЛАНГ

Н. Ланг
Рождённые свободными

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38626451

SelfPub; 2018

Аннотация

"Рождённые свободными" – суровая и прекрасная история о дружбе, преданности и предательстве, жестокости и милосердии. Жеребец Пегас был продан своим хозяином. Это лишь начало долгого пути к свободе...

Ещё на заре жизни, когда нрав планеты был жесток, а просторы малонаселенны, Бог трудился, создавая новых обитателей дивного сада, каким он задумал землю. Нужен друг и верный соратник для его главного творения – человека. Преданный и надёжный, который бы сопровождал во всех путешествиях, а его прекрасный вид радовал глаз. И Бог создал лошадь из ветра и солнечного света. Благодаря ветру, переполнявшему её, она могла летать без крыльев, а солнце подарило ей энергию. Лошадь резвилась на небесах, среди облаков в райском саду, охраняемом ангелами, не предполагая, что Создатель придумал для неё изумительную судьбу.

Бог решил, что лошадь готова разделить свободу с людьми. Он с любовью отпустил её от себя, как и всякое своё создание. То пространство, где стремительные копыта коня впервые соприкоснулись с земной твердью уже не найти. Его скрыли пески времени, а запах разгоряченной конской кожи унёс суховей. С тех пор минуло много лет и зим.

Лошадь дарована человеку, как особое благословение. И она была благословением. Лошадиная история насчитывает много сотен лет. Со своенравным, но верным конём Буцефалом Александр Македонский завоевал половину известного в те далёкие времена мира и разгромил армию персидского царя Дария. Пегас, рождённый из капель крови Медузы Горгоны, до сих пор олицетворяет лошадь, как божество и высшее вдохновение Творца. Да и что такое быстрая русская тройка без быстроногих скакунов, весело позвякиваю-

щих колокольчиками? А сколько славных жеребцов полегло на ратных полях и полях пахотных и не сосчитать вовсе. Лошадь использовали, лошадь унижали, лошадь боготворили. Для великолепных коней отводили целые кладбища и хоронили со всеми почестями. Но то были минувшие эпохи. Теперь отношение к лошади изменилось. Поля вспахивают комбайнеры, труд тягловых коней больше не нужен. По булыжным мостовым уже давно не цокают подкованные копыта, их сменили колеса машин. Как живут сегодня лошади?

Блестевший в голубоватом зимнем свете иней, облепил ветви деревьев. На разлапистых елях громоздились белоснежные пушистые шапки. Зима выдалась лютой, снега выпало много. Лесным обитателям не хватало корма, они стали частыми гостями у окраин деревень. Нет, нет, да и увидят селяне то лося, то лисицу, а то и волк заглянет. Тёмными промозглыми ночами тишину в лесном краю взрывал волчий вой. Грустную песнь затягивал вожак, затем к нему, словно церковный хор, присоединялись остальные члены стаи. Многоголосый и протяжный вой не давал уснуть до самого утра. На излёте зимы, когда ночь и день равны по продолжительности, волки рыскали по округе в поисках пропитания.

Коротким зимним днём на ферме стояло удивительное безмолвие. Было слышно, как трещат от мороза деревья. В такой холод едва успеваешь подкидывать дров в печь. Всё село жило предвкушением весны, предвкушением живитель-

ного тепла. Маленькое поселение насчитывало десять дворов с деревянными, покосившимися от старости, домиками. Снежинки, усыпавшие дома, мерцали и переливались на солнце, словно разноцветные огоньки на новогодней ёлке, создавая хороший сюжет для лубочной картинки.

Из труб валил белый дым, казалось, он мог застыть от стужи. Хозяйка одной из избышек, стоявшей ближе всех к лесу, растопила печку и готовила сытные пироги. Волки, привлечённые мясным духом, подошли к границе, что отделяла избу от леса. Небольшая стая затаилась в опасной близости. Двигались они почти бесшумно. Матёрый серый волк, тот, что постарше, почитаемый стаей, как вожак, шагнул вперёд, ведомый густым запахом. Хищник выглядел самым крупным. У него были большие лапы, серебристая шкура. Вожак спокоен и собран, он медлил – выходить пока рано. Они устроились наблюдать и ждать, появится ли человек. Их ожидание длилось недолго. Вожак устремил свои янтарно-жёлтые глаза к горизонту. Словно призраки, сплетённые из морозной голубой дымки, две фигуры приближались к избе.

Старый всадник ехал на жеребце, напевая лихой мотив. Подъехав к дому, он спешился и в поводу повёл жеребца к конюшне. Волк буравил взглядом коня и человека, который твёрдой поступью зашёл во двор. Затаив дыхание, вожак выжидал. Старик не замечал угрозы, притаившейся среди сосен, а конь напрягся и не желал идти в денник.

Улучив момент, вожак бросился на них с оскаленной пастью. Человек, испугавшись, оцепенел и выпустил поводья из рук. Конь отвечал выпадом, чем ошеломил дикого зверя. Но волк не ушёл, лишь прижавшись низко к холодной земле, и, злобно скалясь, рычал. Жеребец рыл копытом колючий снег и настороженно фыркал, из его ноздрей вырывался горячий влажный пар. Казалось, это противостояние хищника и его жертвы продолжалось вечно. Волк не сводил взгляда с грациозной шеи скакуна, он замер, готовый к нападению. Конь успел увернуться, когда вожак с утробным рычанием набросился на него.

Он атаковал снова и снова. Жеребец встал на дыбы, ещё немного и его копыта опустились бы на серую голову волка, который обнажив зубы, отступил, однако не сбежал. Конь не тронулся с места, прижав уши к голове. Противники выжидали, кто же уступит первым. Терпение закончилось у волка, он вновь бросился в атаку, но жеребец упредил его и ударил серого бродягу в бок. Жалобно заскулив, вожак поджал хвост и поспешил скрыться в бору, укутанном снегом. Старец до сих пор пребывал в замешательстве, и совершенно забыл о ружье, что хранилось в сарае.

– Умница, молодец Пегас, – хозяин ласково потрепал коня за гриву.

Пегас – пятилетний жеребец гнедой масти. Его окрас был тёмно-коричневым, как горький шоколад. Конь принадлежал к малочисленной вятской породе, оттого держался гор-

до и обособленно. Благодаря своей энергичности и выносливости, такие лошади высоко ценились в старину. Пегас был невысок ростом, но крепок сложением и коренаст: широкая холка, короткая шея, прямая спина и средние по длине ноги с небольшими копытами. Голова посредственного размера, широколобая с прямым красивым профилем, большими ганахами довершала экстерьер. Из-под роскошной чёрной гривы выглядывала пара добрых блестящих глаз.

Старик взял Пегаса годовалым жеребчиком, на замену умершей от старости кобыле Фиалке. Построил собственноручно для него вместительный и светлый денник, смастерил тёплый деревянный настил и сделал окошко, чтобы Пегас видел дневной свет, любовался жизнью вокруг. Что и делал гнедой, обладавший живым и любознательным характером. Ему было интересно всё. Он рос быстро и нередко показывал свой нрав. Старик нянчился с ним и выпестовал его, будто он приходился ему внуком. Никогда не привязывал, когда жеребёнок отдыхал. И редко использовал седло, чему Пегас был несказанно рад. Старик пользовался седлом только для дальних конных прогулок.

Хозяин тревожился о Пегасе, завернул его в шерстяную попону, и, бережно взяв за чумбур, повёл в стойло. Скотный двор их хозяйства состоял из одной коровы с телёнком, пары гусей, десятка кур и свиньи с поросятами.

Незаметно сгустились сумерки. На широком синем полотне неба, словно пришитые алмазы, блистали звёзды. В мо-

розной тишине потрескивали деревья. Где-то в глубине леса раздался одинокий тягучий вой. Напуганные столь яростным отпором, волки не подходили близко к деревне.

Зимой все дни похожи. Рано утром, когда до восхода солнца было ещё далеко, в хлев заходила хозяйка. Старушка, закутавшись в шаль и телогрейку, доила только отелившуюся корову, затем отпаивала телят, а оставшееся молоко сливала в ведро и уносила в избу. Она задавала много сена и комбикорма своей любимой коровушке. Чуть позже приходил старик, он кормил гусей, кур и свиней, но с большим удовольствием он заботился о своём любимце Пегасе. Для коня он держал в кармане какое-нибудь лакомство: разрезанную вдоль морковь; яблоки, припасённые с осени; подсушенный хлеб; диковинные сухофрукты, особенно любимый жеребцом банан или кусочек рафинада.

Животные были вдоволь накормлены, а потому не боялись мороза, что установился после крещения и держал свои позиции уже второй месяц к ряду.

Старик отпускал Пегаса погулять в огороженный загон, укутав в попону, но не выпускал за ограду и наблюдал за конем. По обыкновению, гнедой прогуливался, добывал себе корм под снегом или просто купался в сугробах. Старик в это время убирал в хлеву, чистил денник. Зимой в деревне тихо, изредка кто-то проезжавший на буране, тревожил старожилов. Старуха пекла пироги, варила супы и готовила фураж для скота. Вечером, покончив с дневными заботами, старая

чета устраивалась перед телевизором. Много времени они проводили в обществе друг друга, подолгу молчали, потому что все слова уже давно сказаны.

– Скорее бы прошла зима, здесь так хорошо в летнюю пору, – промолвила старуха, прервав долгое молчание, любовно посмотрела на седовласого старца, своего верного мужа и мечтательно улыбнулась, вспомнив, как красива степь летом.

Улыбка коснулась обветренных губ старика, когда он подумал о широких степных просторах, до которых рукой подать. Студёной ночью покоится степь под глубоким снежным саваном, ожидая возрождения после зимней летаргии.

Некогда процветавшее крестьянско – фермерское хозяйство закрылось. Раньше здесь производили говядину, свинину, выращивали гусей, куриц, делали вкуснейшую во всей области колбасу. Также на плодородных землях выращивалось множество сортов пшеницы и ржи, а рядом располагалась коневодческая база. Здесь продолжительное время трудилось больше сотни работников, они ухаживали за скотом, заготавливали корма. Но годы шли и юное поколение, чуть подрастая, покидало родные места. Ехали покорять города, искать лучшей участи. Когда остались только старики, стало ясно – Сорочкино умирает и совсем скоро будет существовать только на карте.

Предыдущая осень была скудной на урожай. Старик запас ничтожно мало сена для скота. Его заготовок едва хва-

тило, чтобы перезимовать, весной комбикорм и овёс пришлось докупать, на это ушли последние деньги. Старик ездил в город, на рынок, чтобы продавать консервы, которые остались после зимы. Он складывал в большой рюкзак щедро приправленную пряностями колбасу, изготовленную супругой по старинным рецептам, доставшимся ей ещё от матери, собрал соленья в дорожные сумки. Позабывшись о Пегасе, он отправился на автобусную остановку. Потом торговал на рынке, где многие предприимчивые люди предлагали свой товар. Обычно это приносило небольшой, но стабильный доход. А сегодня никто особо не интересовался консервами и колбасой, поэтому старик заработал сущие гроши.

– Я нынче мало продал твоих сливовых компотов, лишь три колбаски купили, когда я скинул цену, – сокрушался он.

Хозяйка поставила перед ним тарелку с дымившимся супом. На столе громоздились румяные, ещё горячие пирожки, малосольные огурцы и крынка свежего молока.

– Нам нужно чем-то платить за корм, за аренду машин. У нас просто не хватит денег. Может, переедем к детям. Ведь старший – то зовёт к себе, – предложила женщина.

– Ну что ты такое говоришь? Как я могу бросить, то над чем годами работал. К тому же, я не хочу отдавать кому-то Пегаса.

– Но я ведь продала уже половину своих кур и козу, – упрекнула его старуха. – Продадим коня, на него заглядывается Зинаида Головина.

– Но как я могу, – старик покачал головой.

– Можешь, – старуха стояла на своём.

Она налила ему горячего душистого чая из трав.

– Нет, – упрямылся супруг, но он никогда не умел спорить с женой, его голос сделался слабым, неуверенным.

Ему предстояло решить, возможно, самую сложную дилемму на свете – отказаться от своего друга или прозябать в нищете.

Лето выдалось знойным и душным. На лазурном небе ни облачка. Комары и прочий гнус не давали покоя, жужжали и крутились рядом. Цветущие пышные яблони источали чудный сладкий аромат. Погода располагала к прогулкам. Старик решил проехаться по деревне, заодно проверить поле, где посеял рожь.

С зимы он мучился болями в спине, даже не мог забраться на коня. Пегас фыркнул и тронул плечо сгорбившегося хозяина. Он улыбнулся с благодарностью, а любимец без понуканий и приказов склонился перед ним, предлагая сесть в седло. Тяжело, потеряв былую гибкость и быстроту действий, старец взгромоздился на спину жеребца.

Путь их был недолгим, за полчаса они объехали ферму. Хозяин осмотрел владенья, и кажется, был недоволен – рожь не давала всхода, а та, которая пробилась, быстро засыхала. Пегас спиной и боками почувствовал, как напрягся человек.

Ферма приходила в упадок, необходимы деньги, чтобы

спасти то, что есть. Изба покосилась и в одиночку он не сможет её починить. Сыновья хоть и заботились о них, звонили часто, иногда приезжали, но с ремонтом помочь отказывались. Они звали к себе, жить в городе. Так поступали многие в этих краях. Соседи, состарившись, потихоньку перебирались к детям. Осталось всего лишь десять семей, да и те потихоньку исчезали. А старику претила городская жизнь с её излишней суматохой, высотными зданиями и шумом машин.

Заброшенные избы стремительно ветшали. Их было много, таких домов – призраков, что смотрели на мир разбитыми стеклами окон. Раньше, когда стариков навещали внуки, округу оглашал беззаботный детский смех. Скрипели качели, кто-то из сорванцов играл в мяч. Деревенька оживала, и старики на мгновение чувствовали себя юными. Но пять лет подряд никто не приезжал, Сорочкино оставляло старое поколение, на котором держалось хозяйство, а молодые в сельскую местность переезжать не спешили.

В деревне теперь властвовала тишина, не звучало ни озорного смеха, ни привычного говора молодежи. Старожилов многое связывало с деревней. Ведь здесь прошла их жизнь, здесь они растили детей, работали и радовались, что пшеница уродилась знатная, а коровы дают много молока. Они видели плоды собственных трудов, и это приносило им счастье, простое и незатейливое.

Вот уже и край Сорочкино показался. На самой окраи-

не, где и в былые времена боялись бывать жители, находилось кладбище. Если раньше за погостом ухаживали, то теперь старинные гранитные плиты покрылись плотным слоем мха, а могилы поросли бурьяном высотой в половину человеческого роста. Сюда редко заходили люди, а если кто-то заглядывал, то спешил покинуть эту мрачную юдоль скорби. Рядом с деревней ближе к южным её границам простёрлось озеро. Некогда оно славилось кристально чистыми водами, в глубине которых обитала разная рыба. Сегодня путник, случайно забредший сюда, нашёл бы почти иссохший пруд, где не водилось ни одной даже крохотной рыбки. Озеро вместе с деревней умирало.

Старик с нежностью погладил мордочку коня, дотронулся до мокрого носа и достал из кармана сладкую морковку. Жеребец доверчиво кормился с его рук.

– Кушай, кушай, Пегас, – он потрепал коня за ухо. – Скоро простимся с тобой.

Старик смахнул с уголков глаз замершие слёзы и поцеловал коня. Не было на свете существа ближе ему по духу. В его памяти ещё жило воспоминание, как Пегас спас его от напавшего голодного волка.

– Ничего, всё образуется, – пообещал хозяин и улыбнулся. Так было всегда – даже плохие времена заканчиваются.

Закат раскрасил небо в пурпурные тона. В раскалённом дневным зноем, почти оранжевом воздухе, кружилась в танце пыль. Вокруг ни души, как в первый день сотворения ми-

ра. Лишь солнце, ветер и воздух, напоенный ароматами степной травы и цветов, были их спутниками. Солнце ласкало разгорячённую скачкой кожу жеребца, ветер развевал гриву. Свобода была растворена в воздухе степи, она опьяняла и завораживала. Хотелось нестись во весь опор, наперегонки с ветром, наперегонки со временем. Казалось, сам Создатель распахнул объятия. Ветер был его поцелуем, солнце – благословением. Старик дал Пегасу час. Он нередко отпускал его, чтобы гнедой мог наслаждаться просторами, а сам любил наблюдать, как конь резвится. Но только не сегодня.

– Пегас! – старик позвал любимца.

Однако жеребец, прижав уши, продолжил прогулку. Он словно чувствовал, что что-то должно произойти, не оттого ли беспокойно бродил по полю, словно хотел остаться здесь на веки вечные. Старик поймал его у озера.

– Пойдём, пойдём, – он ласково потрепал Пегаса за гриву и взял чумбур.

Гнедой упрямылся, но старик настойчиво потянул его за собой.

– Я помню, как в первый раз увидел тебя. Ты был совсем маленьким жеребчиком с худыми ножками, которые того гляди, переломятся. Но характер был у тебя строптивый, ты никогда не любил седлаться. Помнишь, как ты сбросил седло, когда я впервые накинул его тебе на спину? Пришлось приручать тебя. Долго. Ты был недоверчивым. Сначала шагали с тобой рассёдланным, ты ни в чём не был ограничен.

Я отпускал тебя, но ты всегда возвращался, будто обратно тянула невидимая сила.

Конь тряхнул гривой и фыркнул, дескать: "да, было".

– Я никогда не забуду тот день, когда ты стал мне ближе всех, тот день, когда заслонил меня собой, а волк хотел полакомиться нами. Ты был бесподобен и мне стыдно за поступок, который я собираюсь совершить, – хозяин остановился и сокрушённо покачал головой, затем извлёк клетчатый носовой платок и, вытерев, выступившие капли пота со лба, скомкал и положил его обратно в карман. – Да, я бы мог отказать, но я не в силах противиться жене. Ты же знаешь, что иногда она может быть очень несговорчивой.

Низко склонив голову, Пегас нюхал ковыль.

– Но мне придётся отдать тебя. Мы нашли хорошую конюшню, – старик осёкся, поняв, что оправдывает себя.

Он мягко дёрнул за чумбур, и они двинулись в путь. Пегас поглядел на человека преданно, а глаза его были грустными, он всё понимал.

Хозяин вёл его в поводу, Пегас послушно ступал за ним. После прогулки старик вымыл коня. Он каждый день ухаживал за гнедым, чистил шкуру, расчёсывал хвост. Намыл его ароматным шампунем. Нежная пена обволакивала и ласкала. Старик массировал кожу Пегаса, стараясь запомнить каждый изгиб и красоту экстерьера. Закончив, он бросил губку в ведро, а потом зачерпнул ковшом чистую воду и окатил ею холку Пегаса. Капли, мерцая в розоватом отсвете

багряного заката, падали на землю. Пегасу нравилось принимать ванны, он даже ржал от удовольствия, а старик тайком вытирал слёзы и улыбался, ведь его любимец был счастлив. Когда догорел закат, Пегаса отвели в денник, чтобы тот отдохнул, как следует перед дальней дорогой. Последний вечер гнедого на ферме подходил к концу, завтра наступит новый день и новая жизнь.

Темнота сгустилась, и вместе с ней появились яркие пятна света. Они трепетали, то загорались, то гасли, и были похожи на иллюзию. Множество светлячков парило в воздухе, они сталкивались и отдалялись друг от друга. Очарование жаркого вечера сменилось прохладой ночи. Конь спал на деревянном настиле, удобно устроившись, и поджав под себя ноги. Люди, порой интересуются, спят ли лошади, стоя, или все-таки ложатся, и снятся ли им сны? Пегас видел сон, его глаза быстро шевелились под тонкими веками. Красочные образы света и ветра, заботливые руки хозяина перемежались в нечто фантазмагорическое, и не имевшее смысла. Снился ему безграничный край, зелёные поля, щедро осыпанные маками, мир, где нет ни седла, ни упряжи, ни людей, там живут только лошади.

Зинаида Головина показалась старику приятной и надёжной, хотя он и заметил колючий невесёлый взгляд и скупую складку губ. Его немало удивило, каким крепким рукопожатием обладает столь хрупкая женщина. Наверное, она при-

выкла к строгости и дисциплине. С этим трудно будет смириться Пегасу, любившему независимость. Но его жена торопилась, ей не терпелось переехать в город, поближе к сыновьям и внукам.

Старик ещё сомневался продавать жеребца или оставить, возможно, они найдут другого покупателя. Покупателя... Старик пытался избегать этого грубого слова. Оно напоминало ему о собственном предательстве. Старуха, улыбаясь, пересчитывала деньги.

– Давайте знакомиться с приобретением, – предложила Зинаида, когда сделка была завершена.

– Приобретением? – моргнув, спросил старик.

Он вдруг почувствовал себя слишком древним, не понимая, когда мир успел так измениться. Сегодня живое существо называют "приобретением", а он, значит, "продавец"?

Зинаида направилась в сторону денника, но старик и шагу не ступил.

– Нет, я передумал, – поддавшись порыву, сказал он.

– Что ты, Жора, ломаешься, я уж и чемоданы упаковала, а ты? – старуха недовольно поджала губы, и спрятала деньги в карман.

Зинаида подошла к старому хозяину фермы, взяла его за ладонь и мягко сказала:

– Не переживайте, с Пегасом всё будет в порядке. У нас хорошие условия, тёплая конюшня, заботливый персонал, лучшие корма.

– Пегас любит пастись на лугу, он любит свободу, – говорил старик, и его голос дрожал от сомнений.

– Конечно, все лошади выходят на длительные прогулки, летом щиплют травку. Рядом с конюшней зелёный луг, а зимой мы запасаем вдоволь сена и овса, – уверяла Зинаида любезным тоном.

– Обещайте, что будете звонить! – с мольбой произнёс он.

– Разумеется, – согласилась она.

Хозяин сопроводил Зинаиду в денник. Несмотря на то, что здесь ютились корова, и поросята, в загоне было просторно. Фермеры поддерживали чистоту для своих питомцев, они ухаживали за ними, словно за своими детьми. Пегас, ощутив некоторое беспокойство, тихо заржал и отвернулся от окна. Жеребец нечасто видел чужих людей, поэтому с интересом и опаской реагировал на новые лица. Зинаида осторожно приблизилась, стараясь не спугнуть любопытного коня. Она аккуратно коснулась влажного носа. Её руки пахли кремом и ещё чем-то неприятным. Пегас фыркнул и отстранился.

– Ничего, он привыкнет, – ласково пообещала она и вновь дотронулась до шелковистой гривы. – Нам пора.

Фургон, предназначавшийся для перевозки лошадей, выглядел маленьким, сомнительно, что Пегас поместится в нём. Он, наверное, не сможет даже шею разогнуть. Внутри было пусто, лишь две коробки с кормом, которого должно хватить до конечного пункта, стояли в углу. Пол застелен

трухлявыми досками без мягкого настила. В машине перевезли ни одну лошадь, об этом красноречивее любых слов говорили пятна грязи на стенах.

Хозяин набросил на спину Пегасу шерстяную попону, чтобы тот не замерз вечером, а на ноги одел ногавки, чтобы не поранился. Пегас грустно смотрел на прежнего хозяина, прощаясь навсегда. Старик обнял его, прижавшись к нежной шкуре. На глазах старца выступили горькие слёзы, ему было тяжело расставаться, но их разлучили.

Конюх волоком потащил жеребца к машине. Пегас заартачился, дёргался, хотел сбежать, но грум крепко схватил его за поводья. Силы были неравны. Жеребец вырвался и побежал обратно к ферме.

Старик поймал его, погладил мордочку, потрепал за гриву, шепнул ему что-то ласковое. Пегас успокоился, а конюх, небрежно накинул ему повязку на глаза, после чего ослепленного гнедого завели в фургон. Вынужденная слепота ненадолго парализовала страх. Повязку сняли, когда его привязали к поручню.

Оказавшись в коневозке, Пегас взволновался так, словно бы очутился в брюхе огромного кита, однако не терял надежды, даже когда захлопнулись двери.

– Берегите его, – попросил старик Головину. – Можно мне его навещать?

– Конечно, только позвоните, – быстро проговорила она и пожала руку фермеру, да так сильно, что тот поморщился.

Старуха с утра напекла пирогов и передала их Зинаиде. Холодно поблагодарив хозяйку за пирожки, она простилась с ними.

– По местам, – скомандовала Зинаида и когда они устроились в салоне, фургон тронулся, навсегда увозя Пегаса с чудесной яблоневого фермы.

Головина спешила, её ждали дела. Они провели в дороге несколько часов, но ни разу не сделали остановки, чтобы выгулять скакуна. Он дремал, а когда машина выехала на шоссе, ведущее в город, гнедой, привыкший к тишине деревенской жизни, испугался громкого шума. Город жужжал, словно улей, наполненный пчёлами. В темноте гул транспорта казался угрозой.

Конюшня была обнесена высоким забором. Железные прутья, добротнo скованные, достигали двух с половиной метров в высоту, словно хозяева прятали что-то. С пронзительным плачущим скрипом открылись ворота. Гостей встречали грозные стражи. Два рыжих бордоских дога, точно церберы у врат в царство мёртвых, брызжа ядовитой слюной, захлёбывались собственным лаем. Узкая пыльная дорожка вела к стойлу. Серое и убогое здание с хлипкой крышей в своё время служило сараем для хранения инвентаря, но сейчас здесь содержались лошади, которые обычно развлекали горожан, катая их на своей спине. Не было уютных широких денников, а имелось стойло с тонкими неустойчи-

выми перегородками и прогнившим деревянным настилом. В жалком подобии конюшни размещались четыре лошади и одна пони.

Дольше всех здесь находился орловский рысак Ветер. Он прожил на конюшне долгих два года. Этот статный жеребец был самым старым. Десятилетний конь принадлежал к славной породе лошадей, выведенной ещё в Российской империи. Он был рослым, гармонично сложенным, серым в яблоко конем. Правда, значительно исхудал. Ему не было равных в галопе, он мог сражаться с ветром, за что прежний хозяин присвоил ему это прозвище. Он любил ездить верхом и заботился о своём питомце. Однако, будучи азартным, хозяин проиграл рысака в карты одному человеку, но и ему конь был без надобности, поэтому Ветра продали Зинаиде. Конюхи часто цепляли цветочки на седло, чтобы скрыть потертости, на его некогда роскошной коже. Ведь никто не станет кататься на уставшей искалеченной лошади.

Чуть меньше года в небольшом конном хозяйстве содержались две молодые беспородные кобылы – Радость и Элегия. Они дополняли друг друга: Радость была светло-серой почти белой с чёрной гривой, Элегия – чёрной масти с серебристой гривой. Они выросли на одном ипподроме, но, несмотря на необычность, их продали, причём недорого. Ведь они считались не пригодными для соревнований.

Коренастая, коротконогая пони Грета была представителем авелинской породы, игреневого масти. Рыжая шерсть

контрастировала с льняной чёлкой. Полагают, что пони с лихвой компенсируют недостаток роста строптивостью нрава, но это никак не относилось к Грете. Она обладала на удивление упрямым флегматичным характером. Порой её невозможно сдвинуть с места. Прежде она жила на конно-спортивном клубе и катала детей, но спокойная пони наскучила юным наездникам. Зинаида убедила владельца отдать ей лошадку по сходной цене и получила Грету даром.

Жила здесь и кобыла Иберия. Эта красавица принадлежала к одной из древнейших пород – ахалтекинской, на Руси такую называли аргамак. Её экстерьер служил вдохновением для многих местных художников, что приходили в парк рисовать с натуры. Иберия выделялась ростом и изящными линиями в строении: высокая, длинная холка, мускулистый круп, прямой профиль. Грациозная и степенная, она слыла любимицей хозяйки и детей. Конечно, ведь она была породистой. И люди изумлялись, как такую лошадь продали, тем не менее, хозяин, получивший её в подарок на день рождения, натешившись, сбыл питомицу, как докучавшую проблему. Иберия выглядела самой ухоженной из всех лошадей, содержавшихся в конюшне, и позволяла себе привередничать, если ей не нравился корм. Ещё бы, хозяйка зарабатывала на ней недурные деньги, ведь все любят благородных животных.

Век лошадей, предназначенных для проката, короток. Они развлекают людей, услаждают их самолюбие своей по-

корностью и преданностью, а когда лошади теряют здоровье, и нуждаются в уходе, многих из них выбрасывают, как перегоревшие лампочки, ведь они перестают приносить доход. Животные, некогда задуманные и созданные свободными, влачат существование в холодных загонах.

Зинаида предпочитала сама объезжать вновь прибывших лошадок. Пегас невзлюбил её с самого начала, один только запах этой женщины был ему неприятен. Сначала она добивалась покорности с помощью морковки и сахара. Пегас всё съел с её рук, не преминув при этом, искушать ладони Зинаиды в кровь.

Новая безжалостная хозяйка была нещадно, но конь взбрыкнув, лягнул её копытом. Зинаида с визгом упала в грязь. Перепачкавшись, она медленно поднялась, её щёки горели от ярости.

– Уведите его, – велела она конюхам. – И не давайте корма.

Это считалось жестоким наказанием. Обычно Зинаида быстро ломала волю животных, да и не только их. Конюхи побаивались её. Обладая суровым нравом, Головина была строга с подчиненными, а с лошадьми порой и вовсе беспощадна.

Пегаса завели в стойло и привязали. Прежде его никогда не держали на привязи, он пользовался свободой, расслабившись, нежился на настиле из сена. А здесь не было даже ма-

ленького окошка, через которое в это мрачное помещение проникал бы свет. Места едва хватало, для того чтобы стоять, ни о каких излишествах не могло быть и речи. Например, лечь конь не сумел – мешала верёвка, которой он привязан, да и голову он едва мог держать прямо – потолки в загоне были низкие. Под копытами чавкала навозная жижа. Непокорный жеребец последний раз взглянул на свет, а когда дверь захлопнулась, в деннике сделалось совсем темно.

Пегас был напуган, ведь раньше он никогда не оставался один во тьме. Это страшная пытка для хрупкой лошадиной психики. На яблонево́й ферме, откуда его забрали, жила корова, поросята и гуси, к тому же перед ним было оконце, в которое он любил смотреть. Сейчас оставалось ждать.

Прошло несколько часов тьмы и невольного уединения, прежде, чем ворота отворились, впуская в загон, свет, свежий воздух и надежду. Грумы завели остальных обитателей конюшни: ахалтекинку Иберию, рысака Ветра, пони Грету, беспородных Элегию и Радость. Их разместили по денникам, затем четвероногим работникам раздали скудный корм – немного сена и воды. Корм достался всем, кроме Пегаса, который с чаянием смотрел на конюхов, раздававших фураж. Но те, смеясь и обсуждая что-то, обошли гнедого стороной.

С утра Зинаида пребывала в благодушном настроении. Она намеревалась совершить конную прогулку на Пегасе.

Жеребца вывели из денника, он шёл нехотя, конюх натягивал чумбур.

– Не будешь слушаться, цыганам на колбасу продам, – потянув за удила, шепнула на ухо жеребцу Головина.

Он заржал, от Зинаиды исходила угроза, к тому же она крепко схватила поводья. Пегас затих и покорился своей участи, позволив хозяйке, сесть в седло. Всадница с торжествующим видом вскочила ему на спину. Не скрывая улыбки триумфатора, она пришпорила гнедого, и, тот послушно пустился рысью.

– Вперёд! – кричала она. – Вперёд!

Пегас набирал скорость, ощущая силу ветра в своей гриве. Солнце снова ласкало его блестящую кожу шоколадного цвета. Создатель его не покинул. Чуть поодаль от конюшни располагалась берёзовая роща. Путь лежал именно туда, что было не по нраву наезднице. Она понукала коня, пытаясь заставить повернуть обратно, но он упрямо следовал своей дорогой. Нёсся так, словно в него вселился демон.

– Стой! – визжала, как оголтелая Зинаида.

Её причёска растрепалась, а ветер отхлестал по щекам, отчего глаза сделались влажными. Спрыгнуть с коня, Головина боялась, а впереди маячила зелёная роща, шумевшая густой листвой. Ветки на берёзах росли низко и были крепкими. Конюх окрикнул гнедого, но он даже не обратил внимания, словно неуправляемая ракета летел вперёд.

Зинаида обернулась и не заметила быстро приближавшей

ветви, но почувствовала сильнейший удар её шероховатой коры, послышался треск. Ветвь надломилась и упала. Пегас, резко остановившись, встал на дыбы и сбросил наездницу. Боль яркой вспышкой пронзила её, и она погрузилась в забытие, едва соприкоснувшись с землёй. Пегас торжествовал. Конюхи неслись за ними, один подбежал к хозяйке, лежавшей без движения в траве, другой ударился в погоню за жеребцом.

Сбросив с себя обузу, Пегас не останавливался. Он мчался галопом. Только вперёд и вперёд. Но и грум не робкого десятка. На рысаче Ветре, он стремительно нагнал беглеца. Конь хотел скрыться в чаще, но был пойман и стреножен. Конюх ловко захватил поводья. Пегас только и успел на долю минуты ощутить вкус свободы, маячившей на горизонте и ускользнувшей от него.

Строптивца оставили без фуража на три дня и один раз дали вдоволь напиться воды. Привязанный, он даже не мог повернуть голову или расположиться для сна на прогнившем полу. Темнота и голод давили на него.

После двух дней наказания Пегаса решили испытать ещё раз. Теперь его объезжал конюх, уж он-то не церемонился, не раз использовал палку и управлял конем твёрдой рукой.

Так и начались его трудовые будни. За день он катал на своей спине больше десятка людей и не все из них были ласковы, а когда начинались выходные или праздничные дни, то от желающих прокатиться на красивом вятском коне не бы-

ло отбоя. Всадники сменяли один другого, некоторые были терпеливы, другие нет. Дети полюбили гнедого, с нежностью трогали гриву, сердобольные женщины подкармливали сладостями. Но Пегас мечтал о свободе, он бы тогда вернулся на яблоневую ферму.

Питомцы конюшни Зинаиды работали в разных точках большого города. Если бы лошади умели разговаривать, они бы поведали, как порой люди любят позабавиться. Маленькая, но выносливая пони Грета, рассказала бы, как днём в воскресенье четверо подростков враз вскарабкались на её спину, а хохотавшие парни напоили пивом Ветра. И это ещё не самое страшное, что происходило с орловским рысаком. Его спина болела от седла, подпруги и стремяна натирали бока до крови. За лошадьми почти не ухаживали: их мыли не чаще раза в месяц, независимо от сезона; не чистили им копыта после рабочего дня, и тем более, не растирали ноги; не накрывали попоной, если лошадь была мокрой или замерзла. Элегия часто простужалась, а Радость страдала болями в копыте, на котором образовалась трещина, отчего кобыла прихрамывала.

Но хуже всех приходилось старожилу конюшни Зинаиды Головиной. Рысаку Ветру снились кошмары. Во сне он вздрагивал, будто бежал от гнавшихся за ним демонов, и ржал так, словно проиграл в этой схватке. В денниках царило напряжение, их обитатели не могли расслабиться и отдохнуть, отчего зачастую они спали стоя. Животные боялись

своих хозяев. Не ровен час, побьют и заставят работать.

– Поглядите, конь – то совсем слаб, – сказала женщина, помогая спешиться дочери. – Его и копыта не держат.

Она брезгливо посмотрела на загноившиеся раны на боках животного, которые не скрывали искусственные цветы, украшавшие седло. Конюх, проследив за её взглядом, торопливо прикрыл рубцы.

– Что вы, он просто так играет, хочет, чтобы его пожалели, приласкали, – прогнусавил грум, притворно улыбнувшись, принялся гладить спутавшуюся гриву Ветра.

Женщина взглянула на него с недоверием, но предпочла не возражать.

– Пойдём, – велела она дочери.

Девочка – подросток, счастливо улыбнувшись, погладила напоследок Ветра. Она впервые ездила верхом и была очень довольна собой, сбылась её детская мечта. Мать схватила девочку за руку и повела прочь.

– Мама, зачем ты так? – возмутилась она.

– Ты не видишь – эта лошадь чем-то больна, – гадливо поморщившись, проговорила женщина и ускорила шаг.

Конюх продолжал подобострастно улыбаться, пока они не скрылись из виду. За краткий миг улыбка сползла с его лица.

– А ну пшёл, – сквозь зубы, зло прошипел он и толкнул Ветра в бок.

Конь тронулся, но ноги не слушались его. Рысак упал на

землю и не смог подняться. Прохожие с сочувствием смотрели на беспомощные попытки коня встать. Работник позвал хозяйку, а с ней появились ещё двое мужчин. Страдальца убрали, только провидению ведомо, как сложилась его судьба.

Позже Зинаида уверяла, тех, кто катался верхом на Ветре, что с ним ничего дурного не случилось, конь просто поскользнулся. После осмотра ветеринара его увезли на ферму. А в конюшне орловского рысака больше никто не видел.

Пегас шагал спокойно, словно бы энергия покинула его, и он двигался как механическая игрушка. Налобник натирал ему кожу, а трензель врезался в рот. Мальчишка, что сидел на спине жеребца, был недоволен им, ему хотелось скорости, чтобы ветер теребил его волосы и хлестал по щекам, чтобы радость разливалась по телу. Мальчик понукал коня, а потом и вовсе ударил кулачком по шее и больно дёрнул за удила. Пегас понял эту странную просьбу, и заржав, помчался галопом. Юный наездник был не в силах удержаться. Он выпал из седла и ударился об асфальт. Мать с криком бросилась к нему. Он недолго был без сознания, очнувшись, захныкал и мама приподняла его.

– Вы что мамаша, нельзя его трогать. А вдруг перелом? – предостерёг кто-то из толпы зевак, которая собралась во круг.

– Позвоните же кто-нибудь в скорую, – закричала она.

– Мама, не надо скорую. Мне уже лучше, – придя в себя, сказал мальчик.

– У тебя нигде не болит? Всё в порядке? – она судорожно ощупывала руки и ноги сына.

– Мама, всё хорошо, – произнёс он и попытался встать.

Женщина помогла ему, он поднялся и нетвёрдой походкой зашагал к автомобильной парковке.

Урок алгебры подошёл к концу. Никто не слушал, что говорил учитель, ученики торопились покинуть кабинет. Большими стайками, словно птички, они летели кто куда, перекивая шум.

– Что планируешь делать? – спросил подросток у своей одноклассницы.

Худошавого, долговязого юнца звали Сергеем, а его хорошенькую спутницу Алёной. Они дружили всего год, хотя оба считали, что знали друг друга вечность.

– Хочу в парк аттракционов, – ответила Алёна.

Октябрь выдался тёплым и засушливым, дорожки покрылись золотом опавшей листвы, дни убывали, и свинцовые тучи тяжёлым пологом нависали над городом, словно пыльный балдахин над альковым. Парк аттракционов в будние дни казался заброшенным, только к вечеру он оживал. Расписные паровозики, словно игрушечные составы на детской железной дороге, разъезжали по тротуарам полупустые, остальные аттракционы простаивали. Днём здесь можно было встре-

тить туристов и коневодов с лошадьми. За неимением других развлечений, путешественники охотно совершали конные прогулки. Конюхи имели неплохой заработок, особенно летом, осенью туристический поток уменьшался, и на лошадях предпочитали кататься подростки.

Сергей заметил, как грубо красноносый грум понукал Пегаса. Палкой он охаживал коня по крупу. Жеребец ржал, вставая на дыбы от боли. Ещё удар и он копытом оттолкнул жестокого конюха, тот навзничь свалился на землю, палка выпала из его узловатых рук. Сначала конюх был ошарашен небывалым проявлением норова, потом поправил шапку и встал, багровея от ярости.

– Ах, ты ж подлая скотина! – мужик замахнулся вновь.

– Эй, что вы делаете? – привлекая больше внимания, громко спросил Серёжа.

– Проваливай, – отрезал он и двинулся к привязанному коню, но парень оказался проворней и успел вырвать у неповоротливого конюха палку. – Тебе жить надоело?

Серёжа выбросил палку подальше, а конюх, как дрессированный пёс кинулся за ней, и пока он копался в кустах в поисках своего грозного оружия, подростки отвязали Пегаса от дерева. Он благодарно заржал. Не успели они ступить и шагу, как их догнал стремениной и набросился на парня. Алёна побежала искать полицейского, тот непременно должен рассудить по чести.

– Что тут происходит? – сурово осведомился страж по-

рядка, увидев, как красноносый мужик схватил за шиворот подростка и трясёт его, что есть силы.

Конюх ослабил хватку при виде полицейского. Пегас за-
травленно топтался рядом.

– Хотел коня украсть, чертёнок! – пожаловался конюх и сокрушённо покачал головой.

– Он не собирался его красть, мы хотели его отпустить. Этот мужчина избивал коня, – проговорила Алёна.

Она была взволнована и напугана.

– Вы посмотрите, у животного же видны следы ударов, – вступил Серёжа.

Полицейский подошёл к Пегасу, конь занервничал, но человек погладил его по мордочке, потрепал за гриву, а потом внимательно осмотрел. На блестящей шкуре виднелись старые раны и свежие царапины – свидетельства побоев.

– Гражданин, что же вы коня избиваете? – нахмурившись, задал вопрос полицейский.

– Так вот, воспитываю. Строптив больно, – виновато ответил конюх, его и без того красный нос покраснел ещё больше. – Он ребёнка скинул.

– Заберите беднягу, иначе его убьют, – попросила Алёна с выступившими слезами на глазах.

– У вас документы имеются, справки ветеринарные? – спросил полицейский, с тревогой глядя на жеребца.

Конюх торопливо искал по своим карманам, затем достал документы и передал полицейскому, тот внимательно

их прочитал.

– Больше не бейте животных, особенно на глазах у детей. Это первое предупреждение, – строго проговорил полицейский, отдавая бумаги.

– Но как же? – возмущению Серёжи не было предела.

– У него есть все права и справки, тут мы бессильны. Сожалею, – полицейский пожал плечами и ушёл.

Конюх криво усмехнулся, довольно потирая подбородок. Расстроенный Серёжа заглянул в печальные глаза Пегаса. Юноша чувствовал, что непременно должен хоть как-то помочь жеребцу, должен поквитаться с жестоким конюхом. Он кинул колючий взгляд на самодовольного противника и, взяв Алёну за руку, ушёл.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещал подросток. – Я знаю, в какой конюшне его содержат.

– Откуда? – поинтересовалась одноклассница.

– Разглядел в справке имя владелицы. Её зовут Зинаида Головина.

Алёна ждала Серёжку за оградой. Она тревожно оглядывалась вокруг, готовая предупредить об угрозе.

– Быстрее! – подгоняла она его.

Серёжа услышал её тихий призыв. Парень резво перемахнул через забор, будто долго готовился к марафону с препятствиями, но по ту сторону его встречали два грозных дога, которые представься им такая возможность, разорвали

бы любого. На счастье, Серёжа припас несколько кусочков колбасы, пропитанной снотворным, чутьё подсказывало ему, что конюшню охраняют. Только он представлял себе в роли охранников поджарых овчарок, а увидел бордоских догов, со сморщенными мордами. Их лай был столь громким, что кони переполошились. Иберия испуганно фыркала.

Красноносый конюх спал мертвецким сном, и даже взрывы атомных бомб не разбудили бы его. Серёжка кинул куски колбасы догам. Те с аппетитом съели их, и вновь, оскалив пасти, уставились на незваного гостя, благо цепочка не позволяла им дотянуться до него.

Стараясь не делать резких движений, юноша осторожно прижался к забору и дождался, когда начнёт действовать снотворное. Зевнув, свалился первый дог, а за ним яростно рыча, ещё сопротивляясь магии сна, лёг на подстилку и второй крупный рыжий пёс. Теперь дорога открыта, хоть и оставалась последняя преграда. Стременной лишь поморщился, но глаз не открыл.

Лошади не спали, когда Серёжа вошёл в конюшню. Сломать хлипкий засов не составило труда. Обитатели стойла отнеслись к чужаку настороженно. Они помнили, что людям доверять нельзя.

Парень открывал денники, отвязывал лошадей. Сначала он выпустил Пегаса. Конь, окрылённый свободой, пронёсся галопом к выходу. Остальные последовали за ним. Один за другим пленники стремительно покинули хлев. В заго-

не задержалась Грета, меланхолично пережевывавшая сено. Юноша всячески пытался расшевелить нерасторопную пони. Он толкал Грету сзади, но казалось, сдвинуть её с места мог только тягач.

– Давай, давай, – шипел Серёжа, но копыта авелинки, словно приросли к прогнившему деревянному настилу.

Выбившись из сил, юноша поскользнулся на навозной жиже и рухнул прямо к копытам Греты, та лениво посмотрела на человека, что пытался спасти её. Отдышавшись, Серёжка встал. Он решил действовать хитростью, подняв засохшую морковку из грязи, поманил пони, но она, моргнув, замерла.

Рядом послышалось пьяное бормотание конюха. Вероятно, он проснулся. Следовало ретироваться.

– Пойдём со мной, – с надеждой в голосе позвал Серёжка, но она упрямо не замечала его. – Вот чёрт!

Он с досадой всплеснул руками, и выбежав из загона, скрылся под покровом ночи. Грета продолжала пережевывать сено, не замечая побега незадачливого спасителя. Приближались нетвёрдые шаги. Проснувшись, конюх обнаружил распахнутые настежь ворота конюшни и спавших догов. Хмель в одно мгновение выветрился, когда стремительной нащёл стойло пустым. В одном из денников осталась пони.

"Тупоголовая скотина" – подумал он и сплюнул.

На подгнившем полу денника виднелись отпечатки копыт и чьих-то ботинок. Здесь явно похозяничали конокрады. Он в замешательстве почёсывал затылок, затем сплюнул ещё

раз, и выругавшись, вышел из конюшни.

Возможно, беглецов удастся догнать. Конюх взял из бытовки фонарик. Ночь была тёмной и безлунной, ничего не видно на десять шагов вперёд. Включив фонарик, он шарил по округе. Дорожка следов вела к воротам. Одинокий луч света выхватил у забора двух свернувшихся калачиком догов. Они вовсе не походили на грозных охранников. Всего лишь два милых пса.

– Проклятые псины! – конюх принялся бить ногами дремавших собак, чтобы пустить их по следу.

Но они крепко спали и похоже сон не скоро оставит их, снотворное оказалось хорошим. Поняв всю тщетность своих усилий, конюх выбежал за ограду. Свет фонаря был слишком тусклым, а следов много и они расходились в разные стороны. Невозможно проследить в каком направлении ускакали лошади.

– Они все разбежались. Что будем делать? – спросила Алёна, встретив Серёжку.

Они огляделись, ночь стояла непроглядная. Темнота была настолько густой, что заговорщики не могли разглядеть друг друга.

– Я не знаю! Там осталась пони, – с сожалением отвечал Серёжа.

Конюх вернулся в бытовку, схватил ружьё и по дороге его заряжал. Он готов стрелять, если увидит хулигана, выпустившего скакунов. Зинаида будет им недовольна, если он не вер-

нёт её собственность к утру.

– Кто-то идёт, – шепнула девушка, услышав шаги.

– Разбегаемся, – предложил Серёжа и они кинулись врассыпную.

В темноте мелькнул свет. Конюх заметил, как пронеслась тень, он испугался, на миг забыв обо всём. Тень бросилась к кустам, он кинулся за ней, впопыхах схватившись за ружьё.

Серёжа стал подвывать, изображая привидение. Конюх метнулся туда, откуда исходил звук, хотя с перепугу не мог понять, что это – человек или какое-то загадочное существо. Алёна завывала на свой манер.

– Стой бесовщина! – крикнул грум, держа ружьё наизготовку. – Стрелять буду!

Он сделал предупредительный выстрел в кусты, которые таили в себе угрозу. Ответом ему был залиvistый смех.

Всю ночь они неслись галопом. Скакали, когда было темно, скакали, когда забрезжил рассвет. Ветер свистел в ушах, трепал гриву, срывая цепи рабства. Свобода опьяняла и будоражила. Без сёдел и прочей упряжи жить было легко. Окрылённые лошади неслись, не разбирая дороги, и когда солнце вошло в зенит, они были далеко от конюшни.

Во главе скакал Пегас, никто, даже быстроногая ахалтекинка Иберия, даже демоны не могли нагнать его. Радость, Элегия и Иберия послушно следовали за ним. Пегас мечтал найти дорогу к яблонево́й ферме, но верный путь отыскать

уже не удастся.

К вечеру лошади выбились из сил. Неплохо бы подкрепиться. Осень хозяйничала в городе уже два месяца, приближалась зима. Чуткий нос гнедого уловил запах луга, запах мокрой травы. Летом здесь паслись коровы, да и сейчас иногда они заглядывали на эту лужайку. Хоть трава и была жухлая, но лошади жадно щипали её, они скудно питались, поэтому даже такой корм сочли лакомством.

Заночевали здесь же. На воле спалось спокойно, можно даже прилечь. Земля делалась холодной по ночам, но вместе было теплее.

Месяц вольной жизни промчался проворнее арабского скакуна, табун беглых лошадей наслаждался свободой. Всё на этих просторах дышало вольностью – и воздух, и вода в протекавшей поблизости реке, и даже пожелтевшая трава.

Отдыхали беглецы под сенью большого клёна. Ему было никак не меньше века, а чтобы охватить его ствол не хватит никаких человеческих объятий, будто бы дерево вобрало в себя всю мощь природы. Этот клён видел на своём веку много маленьких трагедий и больших бурь. Он стоял здесь сотню лет до появления лошадей и простоит ещё столько же. Клён, словно мощный защитник, укрывал своими толстыми ветвями от влажного ветра и проливных дождей. За день накапливал тепло и ночью отдавал его уставшим животным, сбившимся вокруг него в плотное кольцо.

Когда выпал снег наступили первые студёные дни. Зимы в этом краю суровые и многоснежные, а ветра промозглые. Река обмелела и покрылась тонкой коркой льда. Находить корм становилось труднее, животные искали пропитание, заходя вглубь леса, но и здесь они были не одни.

Ледяной северный ветер принёс знакомый запах. Когда Пегас учуял человека, он настороженно фыркнул, уловив угрозу, исходившую от охотника. Спустя мгновение появился и сам зверобой с ружьём на плече. Едва завидев его, лошади встревожились, замерли, казалось, даже дышать перестали от напряжения. Что готовила им эта встреча? В тишине лесной чащи щёлкнул затвор ружья – пронзительный сигнал к действию. Лошади неслись настолько стремительно, насколько им позволяли их ноги, дрожавшие от голода.

Потом бродили рядом с городом, питаясь, чем придётся. Походили близко к домам, чем вызывали недовольство их жильцов. Люди опасались, что лошади могли разносить заразу или поранить кого-то из детей, оказавшихся рядом.

Некоторые предприимчивые дельцы воспользовались ситуацией. Они объявили сбор средств для содержания животных, оказывается, кому-то была не безразлична их судьба. Горожане охотно переводили деньги на счёт, указанный в объявлении. Собрав крупную сумму, инициативные граждане растворились, а вместе с ними исчезли и деньги.

Лошади ночевали в заброшенном сарае, ближе к городской свалке, а утром, едва солнце выглядывало из-под одея-

ла туч, они подходили к зданиям, ища тепла и корма. Измученные и больные животные долго скитались по улицам. У Радости воспалилось копыто, и она, прихрамывая, плелась в конце мрачной процессии. Казалось, у неё хватало сил только переставлять копыта. А если бы кто-то заглянул под спутавшуюся чёлку, что закрывала ей обзор, то он увидел бы, как почти человеческая печаль залегла на дне её тёмно-карих глаз.

Жители всячески подкармливали бродяг. Однако никто не дал себе труда выяснить, кому принадлежал этот табун. Никто не пытался облегчить их печальную участь.

Вечерами Радость лежала на подмёрзшем асфальте. Трещина на её копыте увеличилась и загноилась, поэтому страдальца редко вставала и выглядела обречённой. Ледяная корка вокруг неё растаяла, и образовалась лужица, от которой исходил пар.

Пегас, Иберия не бросали её, а Элегия даже нежно заботилась о товарке. Она делилась с Радостью кормом, был ли то подгнивший помидор или свежий вкуснейший лист капусты, извлечённый из мусорных баков. Такая трогательная дружба поражала прохожих.

– Мама, посмотри, она же совсем не может ходить, – сказала девочка, показывая на Радость.

Девочка всегда держала в кармане кусочек рафинада, свежую морковку или хлеб. Не сдерживая слёз жалости, она гладила хворающую лошадку, расчёсывала пальцами её спутав-

шуюся гриву. Кобыла не реагировала на ласку, лишь позволяла прикасаться к себе. Она даже не стала есть сахар, который ей на ладони предложила девочка.

Девочка переживала, плакала, и даже решила написать письмо своему дяде, где в красках описала своих любимцев, просила совета, и вложила фотографии бродячих лошадей.

Солнечные блики плясали на подоконнике. Яркий свет отражался от белых листов бумаги, вырванных из школьной тетради. Крупные каракули, выведенные детской рукой, вытянулись в кривую полоску и издалека казались загадочными символами. Рядом лежали снимки, сделанные племянницей. Кофе в кружке давно остыл, пора собираться в дорогу.

Этот человек появился в городе незаметно, никто не ждал его. Он приехал на большом фургоне, куда поместится целый дом. Василий недолго искал лошадей, как и писала племянница, они обитали в заброшенном сарае на окраине. Животные выглядели голодными, грязными и измождёнными. Радость не вставала уже неделю, она была очень слаба и шансы на исцеление, таяли также стремительно, как и наст под ней. Спину хворавшей кобылы облюбовал в качестве лежанки крохотный пушистый комочек. Котёнок поднял на Василия сонные зелёные глаза, окинул его скучившим взглядом сверху вниз и спокойно положил голову на скрещенные лапы.

Иберия настороженно фыркнула, а Пегас, прижав уши, го-

товился к атаке. Сейчас он был прекрасен.

– Тихо, тихо, – проговорил человек и осторожно, не делая резких движений, пошёл к коню.

Жеребец был напряжён, словно струна, которая в любой момент порвётся. Пегас готов обороняться, теперь он без боя не сдастся. Но Василий действовал осмотрительно, двигался медленно и плавно, Пегас не заметил, как он оказался возле него. Кончиками пальцев он легко дотронулся до шкуры гнедого, а затем не встретив сопротивления, погладил его. В глазах Пегаса было столько боли, печали и недоверия, как во взгляде человека, которого предали.

Заручиться доверием лошади непросто, а сломленной и подавно. Но Пегас и Василий были в чём-то похожи – оба потеряли веру в людей.

Одиночество оставило отпечаток на облике Василия. Лицо мужчины напоминало суровое изваяние, высеченное умелым скульптором из мрамора, на щеке тянулся длинный шрам, жестокое напоминание о войне, в коей ему довелось участвовать. Он редко улыбался, хотя в глубине золотисто-карих глаз всегда таилось веселье.

Василий подготовился к этой встрече, он учёл советы племянницы и взял с собой пачку рафинада. Достав пару кусочков сахара, медленно поднёс ладонь к Пегасу. Он хотел расположить к себе непокорного коня, так как понял, что остальные лошади последуют именно за ним.

Пегас недоверчиво понюхал сладости, тихо фыркнул и

гордо отвернулся, но человек не отступал, он добавил к рафинаду морковь. Свежая сахарно-сладкая морковка – любимое лакомство жеребца. Голод был столь силен. Конь понюхал угощение и быстро, словно боясь наказания, слизнул с ладони.

Василию удалось добиться расположения этого трепещущего существа. Он угостил его ещё одной морковью. Василий обрадовался, ведь в его сердце давно образовалась пустота, которую он жаждал наполнить. Человек не может жить с вакуумом в душе, он ищет чем заполнить его, и к лучшему, что рядом оказалось доверчивое создание, нуждавшееся в защите. Ведь когда ты помогаешь другим, ты помогаешь самому себе.

Василий поманил гнедого, тот шёл следом, опасливо оглядываясь, словно ожидая подвоха. За ним потянулись Элегия и Иберия. Несчастные, уставшие кобылы последуют за своим вожаком, даже в адово пекло. Когда Пегас понял, куда его ведут, он взбрыкнул и отказывался двигаться с места. Василий просил, мягко, но настойчиво тянул его за гриву. Жеребец упрямылся и не хотел ступить и шагу. Фургон казался ему железным чудовищем, готовым проглотить всё живое.

– Ну же, мальчик! Не бойся! Это всего лишь машина, – успокаивал Василий, и улыбнувшись, постучал по корпусу.

Пегас заржал и, казалось, он бросится наутёк, но человек ласково погладил его и что-то шепнул на ухо. Конь фыркнул, похоже, ему всё сложнее бороться за свободу. Нако-

нец, он покорился и зашёл внутрь. Следом вошла Иберия. Она, словно истинная леди, сохраняла спокойствие. Элегия оглядывалась, боясь потерять из виду Радость. Василию пришлось помогать ей добраться до коневозки. Кобыла настолько ослабла, что шагала только с поддержкой и частыми перерывами для отдыха. Одного взгляда на бедняжку было достаточно, чтобы понять – ей требовалась помощь ветеринара. Сквозь тонкую засаленную шкуру, цвет, которой невозможно было определить из-за застывшей грязи, просвечивали ребра, и ноги уже не держали её.

Маленький котёнок бежал за табуном, к которому успел прибиться. Он громко и протяжно мяукал, словно лишился заботливой матери.

– Хорошо и тебя возьмём, – улыбнувшись, сказал Василий.

Он наклонился и взял в руки котёнка. Малыш доверчиво прижался к нему, ища защиты. Василий нашёл небольшую коробку, постелил туда свой шарф, положил котика и поставил на переднее сидение.

Им предстояла долгая дорога. В просторном салоне для каждой лошади был отведён бокс. В рептухах запасено вдоволь сена и овса, чтобы питомцы могли утолить голод. Перед каждым животным поставлена большая кормушка.

Иберия набросилась на корм, с жадностью, оглядываясь по сторонам, словно страшась, что кто-то может отобрать её излюбленное лакомство. Даже пресный овёс казался ей са-

харной морковкой. Насытившись, лошади спокойно устроились отдохнуть на устланном сеном, тёплом полу машины. Для безопасности перевозки пришлось привязать животных к поручню длинной верёвкой, которая позволяла лежать и поворачиваться.

Фургон оказался просторным, чистым с несколькими окнами, такими большими, что можно было любоваться просторами, покрытыми изысканным снежным кружевом. Радость удобно улеглась на полу, даже попробовала сена из рептуха. В пути они сделали несколько остановок, чтобы лошади прогулялись, размяли затёкшие мышцы, только Радость осталась в фургоне, потому что спала. Пегас держался поближе к лесу, готовый при любой опасности бежать.

Закурив сигарету, Василий издали наблюдал за гнедым. Сильный гордый скакун, пусть живёт себе вольно.

Их привезли в красивый край, где располагался небольшой скотный дворик. Они были первыми лошадьми, волею случая, очутившимися здесь. Василий поселил их в загоне с козами и коровой на то время, пока он мастерит денник. В хлеву было тесно, шумно и весело, как в большом общезитии. Каждый обитатель загона обладал своим характером. Корова Маруська любила мычать громко и протяжно, словно запевала какую-то песню, козы обычно вторили ей, каждая на свой манер.

Постепенно лошади привыкли к новой обстановке, хотя

поначалу относились к очередному хозяину настороженно. Однако Василий заботился о них так, словно бы это были его собственные дети, часто общался с ними, когда расчёсывал гриву или убирался.

– Как же тебя зовут? – задумчиво нахмурился он и пожалел, что гнедой не умеет разговаривать.

Василий был уверен, что ему есть что поведать. Он внимательно посмотрел на жеребца и отложил метлу в сторону. По обыкновению он сам чистил хлев, хотя у него были помощники – волонтеры из ближайшего города.

Конь – совершенное создание природы, полон грации, энергии и жизненной силы. Подчинить такое животное будет сложно, да и не нужно. Василий воспринимал жеребца, как равного себе, разница была в том, что дивное создание лишено дара речи и не назовёт имени, которым его когда-то нарекли. Жеребец обладал норовом, гордостью и особенной непокорной красотой. На ум пришли сразу несколько образов. Пожалуй, такого коня можно представить в упряжке Феба, или на нём верхом восседал сам Бог войны – Арес, или бородатый богатырь в тяжёлой кольчуге, о котором сложена ни одна былина. Такому красавцу нужно звучное имя.

– Я тебя назову – Зевс! – торжественно произнёс он.

Пегас недовольно фыркнул и отвернулся, выказывая своё недовольство.

– Нет? Опал, Нефрит, Зорро, Джинго, Шторм? – закончил он и вопросительно уставился на жеребца.

Конь опустил голову, нервно дёргая хвостом.

– Не нравится? Ну что ж, быть может, Гастон, Важный, Бриз. Нет, не то! Бриз не подойдёт. Быстрый? Опять нет! Зефир?

Жеребец отвернулся от человека, словно был недоволен его недогадливостью. Василий посмотрел на гнедого. Его мощь и грация могли служить вдохновением для художников и поэтов. Он представил, как на закате величественный конь скакал галопом, его гриву трепал вольный ветер, а за спиной распускались роскошные серебристые крылья. Крылья...

– Пегас!!! – воскликнул Вася, а конь вскинул голову и заржал, повернувшись к нему. – Да, определённо, это твоё имя.

Пегас в порыве благодарности положил голову на плечо Василию, для которого такой жест служил доказательством доверия. Он внутренне возликовал. Наконец-то, смог добиться расположения прекрасного скакуна, что было высшей наградой за его заботу.

Породистая ахалтекинка получила имя Грация, Элегия стала именоваться Ассоль, а Радость превратилась в Зарницу. Подобно тайным агентам Элегия и Радость не в первый раз меняли клички. Теперь им достались счастливые имена.

Зима вступала в ту мягкую пору, когда солнце уже начинало согревать землю, а снег становился рыхлым. Лошади часто гуляли, их не принуждали носить уздечку и седло.

Они были предоставлены сами себе, могли купаться в снегу, что так любила делать Ассоль. Копыто Зарницы осмотрел ветеринар, почистил его и заполнил связывающим составом. Остаток зимы и весну Зарница восстанавливалась, а с наступлением лета, она вновь почувствовала в себе силы, и уже не сдерживаясь, скакала галопом, словно бы была совсем юной кобылицей, не знавшей побоев и голода. Человек, скорее друг, чем хозяин, кормил вволю и не сковывал упряжью. Время, ценнейшее из всех лекарств, стирало день за днём из памяти животных жестокость и равнодушие.

Рядом с фермой раскинулся живописный луг, летом покрытый маками, а зимой, пушистыми сугробами, окружённый диким, почти нетронутым лесом. Бескрайние просторы стелились перед Пегасом, словно мягкий зелёный ковёр перед королём. Ветер ласково играл с травой, отчего она походила на морские волны. Солнце светило высоко на горизонте и казалось маленькой блестящей горошиной, такой крохотной, что она поместилась бы в кулачке ребёнка. Рядом змеилась река, её изгибы напоминали серпантин, а водная гладь переливалась на солнце. Воздух был чистым, будто на земле нет заводов и машин. Надёжно спрятавшись в зелёном убежище, стрекотали кузнечики, они будут исполнять симфонию до глубокой ночи, пока в темноте не замерцают светлячки.

Пегас гулял, где вздумается, его не стесняла узда, ему было легко без всадника. И эта невероятная лёгкость дарила

чувство умиротворения. Ветер, словно чьи-то лаковые руки перебирал гриву. А солнечные лучи стали благословением Создателя, они ласкали блестящую кожу. И рядом с ним скакала его неизменная спутница, быстроногая ахалтекинка Грация. Теперь их никто не разлучит.

Они неслись иноходью, вперёд к горизонту. Перед ними раскинулось широкое поле, а за спиной словно распускались крылья. Лошади задуманы именно такими – сотканными из солнца, ветра и свободы. Свободы, которую никто не вправе отобрать. Только если лошадь сама пожелает разделить её с человеком.

В оформлении обложки использована фотография с портала <https://pixabay.com>